

Глава II

Доминирующие политические дискурсы: в поисках компенсации морального коллапса

1. Кризис либерализма и управление судьбой

Нередко утверждается, что либерализм терпит неудачу именно потому, что миросистема, построенная по его рецептам, сейчас для большинства населения планеты является несправедливой. Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, сумевшей подчинить своему влиянию как консерваторов, так и левых, озвучивавших требования не интегрированных в систему социальных групп. Однако с точки зрения гораздо более многочисленных (в мировом масштабе) эксплуатируемых групп она представлялась плодом гигантского лицемерия и непоследовательности. Права человека предназначены для всех, но ими не обладают (или обладают не в полной мере) люди без солидной частной собственности, нищие и безработные, женщины, упорствующие радикалы, цветные, сексуальные меньшинства, иммигранты. Нищие безответственны и не смогут разумно пользоваться правами, радикалы — опасны, о сексуальных меньшинствах лучше вообще промолчать, дабы не вызвать гнев общественного мнения и церкви, женщины — существа второго сорта (и христианские церкви с этим утверждением согласны), цветные — тоже второго сорта в силу своей расы. Те иммигранты, которые успешно интегрируются в систему, как правило, близки по вере, расе и обычаям коренным жителям — им отдается культурное предпочтение. Что касается «нецивилизованных» народов — то они не более чем объект воздействия цивилизованных наций. Либерализм им тоже предлагал программу своего рода интеграции. Но это была программа потери культурной идентичности, осуществляемая под контролем западной цивилизации, — и она на сегодняшний день почти везде отвергнута.

Тем не менее эта система работала, поскольку в одном чрезвычайно важном аспекте она основывалась именно на справедливости —

и эта справедливость имела свои корни вовсе не только в либеральной идеологии.

Справедливость, теряющая утопический потенциал и все труднее реализуемая в глобальном мире, объединенном, прежде всего, капиталистической миросистемой (следствием чего и стал кризис либерализма), была принципом неуклонного повышения возможностей для всех. Недовольство отвергнутых вызывало то, что их слишком медленно и неохотно признавали созревшими для обретения новых возможностей — это представлялось нарушением базового принципа справедливости. Данное понимание справедливости вытекало из более широкого, чем собственно либеральный, модернизаторского проекта, берущего начало еще со времен Просвещения. Это был проект расширения человеческих возможностей, исходя из прогресса разума вообще и науки в частности. Раньше человек был невежественным и фанатичным, обремененным массой предрассудков. Из-за этого человечество не могло достичь устойчивого благосостояния, благ было мало и не хватало на всех. Теперь же человек был осмыслен как впервые в своей истории сделавший уверенные шаги на пути достижения коллективной и индивидуальной рациональности, как достойный в силу этого благ, которые несет прогресс наук и искусств. Предоставить ему все эти блага стало справедливым. И не случайно первым вестником такого понимания стал утилитаризм с его лозунгом наибольшего счастья для наибольшего числа людей.

Каким было соотношение этого модернизаторского проекта и идеи справедливости? Справедливость впервые в истории стала целенаправленно осмысливаться с точки зрения расширения человеческих возможностей. В прошлом теории справедливости в основном уделяли внимание нормативным вопросам или сосредоточивались на абстрактно понимаемой человеческой природе и ее нуждах.

Модерн во многом изменил это положение если и не в области чистого дискурса справедливости, то в области его идеологических интерпретаций. Социализм мог выглядеть почти как «внешний» корректив либерализма именно в силу того, что он возлагал *еще большие* надежды на модернизаторский проект. Живое представление о том, что возможности общества расширились вследствие прогресса, в эпоху Модерна служило источником морального неприятия того, что этому противоречило, и становилось важным критерием различения справедливого и несправедливого. С радикальной точки зрения, особенно с марксистской, самый важный вопрос поэтому звучал примерно так: почему сегодня люди считают несправедливым то, что считали справедливым вчера? Иначе говоря, откуда берет начало моральный импульс возмущения несправедливостью?

И становилось очевидным, что он берет начало из осознания того факта, что сегодня возможности, предоставляемые человеку благодаря совершенствованию науки, техники, производства, государственного управления и т.д. (прогрессом) объективно возросли, в то время как общественные отношения остаются такими, как будто ничего не изменилось. Несправедливость стала заключаться в том, что плоды прогресса присваиваются лишь частью общества — определенно меньшей, чем это можно позволить.

Однако по мере исчерпания модернизаторского проекта вера в развитие всех стран и народов была подорвана. Теории модернизации потерпели неудачу. Возобладали формулировки, исходящие из архаичного представления о праве на жизнь, свободу и собственность. Они были дополнены риторикой на тему прав национально-культурной общности, социальных прав, понимаемых как права на доступ к потреблению каких-либо благ и т.д. *Либерализм и постепенно инволюционировавший к нему социализм именно потому оказались в кризисе, что они никогда не играли самостоятельной роли в обеспечении идеологического обоснования легитимности социального порядка. Главным всегда оставался модернизаторский проект, к которому они оба апеллировали.*

Сам по себе либерализм никогда не был цивилизационным проектом. Как замечает Г. Рормозер, «либерализм предполагает наличие основного консенсуса в обществе, однако внести какой-то вклад в культурную основу такого консенсуса сам он не в состоянии»¹. Либерализм являлся почти «инструментальным» «довеском» к прогрессистскому, модернизаторскому проекту (тому самому «основному консенсусу») Нового времени. А это был проект антропологический, почти религиозный, со сверхзадачей «упразднения судьбы». Пока задача признавалась актуальной, «работали» и либерализм, и социализм. Когда она была признана утопической и нереальной, либерализм и социализм оказались в кризисе. Идейной альтернативы либерализму не возникает именно потому, что его сегодняшние оппоненты используют ту риторику прав человека и прав народов, которая в действительности сама по себе никогда не была достаточной для легитимации социального порядка.

Но проблема, вдохновлявшая прогрессистский проект, остается, как и мотив стремления сформулировать новый проект упразднения судьбы. Этот мотив — в экзистенциальном переживании ограниченности человека узким горизонтом личного, семейного или группового блага, вопросами собственности и безопасности, призрачной сво-

¹ Рормозер Г. Возрождение и новейший кризис либерализма // Кризис либерализма. М.: ИФАН, 1996. С. 69.

боды, которая никогда не достигается в реальной жизни, а вместо нее все время подсовываются суррогаты в виде потребления и т.д.

Либеральное представление о жизни, свободе и собственности в своей основе уже достаточно устарело, ибо было сформулировано в раннебуржуазных обществах. Тогда оно являлось исторически обусловленным ответом на вопрос: что нужно человеку для полноценной жизни в обществе? Ответ уже и тогда был минималистским: все-таки он игнорировал, к примеру, религиозные потребности человека. Поэтому его и пытались все время откорректировать: «жизнь, свобода и собственность» заменялись «жизнью, свободой и стремлением к счастью» или «свободой, равенством и братством». Но он возобладал, ибо альтернатива в виде религиозных и династических войн представлялась гораздо худшей.

В условиях сегодняшнего отсутствия идеологической альтернативы либерализму требуется найти ответ на тот же самый вопрос. Но ответ не может быть узкоидеологическим. Это прерогатива, вероятно, более широкого мировоззрения, формулирующего новый проект управления судьбой, проект достижения человечеством такого состояния, при котором каждый будет уверен, что жизнь обошлась с ним справедливо.

В сущности, кризис современных обществ заключается в том, что люди теряют одни возможности и не приобретают других. Они становятся разного рода маргиналами. И поэтому настоящая, не вызывающая морального негодования справедливость сегодня означает, что никакой человек не может быть лишним. Это моральный принцип, который должен быть положен в основу нового глобального модернизаторского проекта. В настоящее время такая справедливость недостижима в рамках локальных сообществ. Она достижима только во всей миросистеме в целом. Нельзя ограничиться гуманитарной помощью или социальными программами. Речь идет о качестве жизни, базирующемся на постоянном расширении возможностей. Принцип роста возможностей для всех — это вовсе не принцип «равенства возможностей». Лозунг равенства возможностей, как легко убедиться, легко подменяется риторикой прав человека, а затем прав национальной, культурной и религиозной общности, что в сегодняшней ситуации вызвало рост национализмов, «притязаний культуры» и тому подобные следствия, приводящие к социальной дезинтеграции. Главное «право человека» (кроме права на жизнь) или, точнее, его единственное право, которое порождает всю социально-политическую проблематику — это право на расширение собственных материальных, духовных, технических и прочих возможностей, по мере того как он интеллектуально и морально становится готовым пользоваться ими.

Дезинтегрированное общество не может быть восстановлено на прежних принципах, оно может быть только вновь создано. Основой воссозданного общества может стать принцип справедливости как роста возможностей для всех. Такая постановка вопроса подчиняет себе вопросы о собственности, свободе, религиозных и политических убеждениях и т.д. Новое общество, которое по необходимости будет глобальным, явится плодом грандиозного эксперимента как социального, так и политического, и технологического, иными словами — нового модернизаторского проекта управления судьбой.

2. Цивилизационная риторика: кому выгодно?

Возвышающий обман

«Жил-был прекрасный, умный и трудолюбивый русский народ. Добрый, героический и наивный. Разбил он Гитлера, мир спас, в космос первым прорвался, полумиру покровительствовал и уже на Марс экспедицию собирал. Но налетели, откуда ни возьмись, тучи всяких масонов, сионистов, уголовников, постмодернистов, “агентов влияния” и прочих, и поработили прекрасный народ хитростью да обманом, кознями и телевизионной ворожкой. Вот и стонет народ-богоносец и знаменосец под игом кучки жестоких насильников, дожидаясь зова патриотической трубы. Все такой же чистый и прекрасный...»¹. Это иронический пересказ позиции русских «патриотов» публицистом Максимом Калашниковым.

Жил-был не менее прекрасный, трудолюбивый, изобретательный американский народ. Он построил свободное, цивилизованное культурное и высокоморальное общество. Много сделал для привнесения благ цивилизации остальным народам. Разбил Гитлера, слетал на Луну, покровительствовал половине мира, создал Интернет и прочие чудеса техники. Но налетели откуда ни возьмись новые левые, деятели контркультуры, наркоторговцы, иммигранты, феминистки и прочие, и задурили головы честным американцам так, что стали они стыдиться своей исконной христианской культуры и цивилизации. Как и их европейские сородичи. Пока не поздно — спасай Америку! Это краткий пересказ книги П. Бьюкенена «Смерть Запада»². Можно видеть, что она оказалась созвучной настроениям многих наших соотечественников.

¹ Калашников М. Война с Големом. М.: АСТ, Астрель, 2006. С. 179.

² См.: Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.